

СПЕЦНАЗ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АЛЕКСЕЙ
СОЛОВЬЕВ

СПЕЦНАЗ
КНЯЗЯ
ДМИТРИЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Художник *Игорь Варавин*

Соловьев, Алексей Иванович.

С60 Спецназ князя Дмитрия / Алексей Соловьев. —
Москва : Эксмо : Яузा, 2018. — 352 с. — (Спецназ
Древней Руси).

ISBN 978-5-04-089850-3

Во все века правители Руси опирались не только на народ, советников и войско, но и на бойцов, выполняющих его секретные приказы. Разведка и диверсии в тылу врага — их профессия. Это люди для работы специального назначения, это спецназ! Он был, есть и будет!

Освободить подло захваченного киевским князем митрополита Алексия? Разоблачить тайные планы главного противника Москвы тверского князя Михаила? Добыть для юного Дмитрия золотоордынский ярлык, дабы он стал первым на Руси? Спецназ — вперед!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089850-3

© Соловьев А.И., 2017
© ООО «Издательство «Яузा», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ВСТУПЛЕНИЕ

 о сих пор мне не дает покоя выражение «Господь призвал». По-моему, ПРИЗВАТЬ возможно на небеса за особые земные заслуги, для продолжения неустанной службы в горных высях во имя оставшихся здесь, на земной тверди. Но ведь немногие удостаиваются такой чести, ой, немногие!! Гораздо чаще случается, что за полной ненадобностью, за утратой смысла бытия земного, за грехи тяжкие и бесконечные удаляются люди из окружающей нас жизни высшими силами. Был — и не стало ни в памяти общей, ни в следе на земле. Лишь плита на могиле, которая мало кому о чем напомнит. Наверное, в этом случае более правильно было б произнести: «Господь прибрал»...

Великий князь Владимирский и князь Московский Иван Иванович Красный, занявший это кресло после страшного разгула чумы 1352–1353 годов, когда скончался и Симеон

Гордый, и средний сын Ивана Калиты Андрей, по жизни был мягким и добрым человеком. То есть обладал чертами характера, не свойственными правителю государства. Неотъемлемыми атрибутами власти были, есть и будут решительность, твердость, воля и порою даже беспринципность при достижении поставленных целей. Иван Красный не был способен на подобное. Оттого и ослабло было здание, неустанно возводившееся в течение более чем двадцати лет его отцом и старшим братом. Ослабло... но не рухнуло! А ведь могло!!

Да, нужна была твердая рука Москве в те непростые для нее годы! На юге взошла звезда великого Олега Рязанского. Не успел прах Симеона Гордого упокоиться в Архангельском соборе, как захватил Олег Лопасню, полонив бояр московских и грозя Коломне. Не дал Иван на то военного ответа, растерялся...

На западе все сильнее становилась Литва. Великий князь Литовский Ольгерд не скрывал своих желаний присоединить к себе земли киевские, смоленские, брянские, московские, псковские, новгородские. Он сумел добиться у дряхлеющего Константинополя поставления отдельного митрополита в Киеве, отнимая таким образом у Владимирского митрополита Алексия половину его духовной власти над русскими землями. Он хладнокровно велел арестовать Алексия и его свиту в Киеве во время пастырского объезда православной митрополии, ввергнуть на многие месяцы в подземелье, любой ценой желая избавиться от своего главного противни-

ка в Северо-Восточной Руси. Не смог Иван Красный противостоять и этой беде...

В самой Москве начались нешуточные раздоры и корыти между высшей боярской верхушкой, во все века бывшей оплотом и опорой князей русских. Споры между двумя группировками, борьба за должность тысяцкого столицы отвлекали от внешних напастей и в конце концов привели к пролитию боярской крови. И здесь не явил князь волю свою, растерянно взирая на происходящее. Бежала часть боярской верхушки в Рязань, еще более ослабляя Московское княжество. И если бы не твердая рука митрополита Алексия, принявшая вожжи правления, невесть что могло и сотвориться на русских порубежьях...

Да, кроток был Иван Иванович, не такой нужен был правитель русским землям! Оттого, возможно, и отпущен был ему небесами короткий земной срок. Господь призвал московского князя в возрасте Христа. Именно ПРИЗВАЛ, ибо, по моему твердому убеждению, младший сын Ивана Калиты исполнил свою земную миссию!

Он занял кресло в трудном 53-м, когда вдруг не стало иных людей, имевших на то прямое наследственное право. И тем самым спас княжество от кровопролитной во все времена борьбы за власть и гражданского кровавого раздрайя. Он предсмертною волей своей поставил во главе московского княжества митрополита Алексия, что в итоге и привело к его дальнейшему подъему и расцвету. Он дал почувствовать великим

боярам, что лишь их единая сплоченная позиция может оставить их действительно ВЕЛИКИМИ, что лишь в этом залог их личного будущего и будущего Москвы. Он вместе с женой, великой княгиней Александрой, породил и довел до отрочества сына Дмитрия, который войдет навеки в историю под звучным именем Донской. Это их дочь Анна станет впоследствии женой безудельного князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского, своим военным гением не раз прославившего русское оружие. Он был мостиком между великими Иваном Калитой и Симеоном Гордым и не менее великим Дмитрием Донским. Разве ж этого мало?!

Но и Дмитрий Иванович, в ноябре 1359 года юным отроком положивший последний поцелуй на холодный лоб своего отца, мог бы не стать великим, если б не окружали его при дворе и в земле русской слуги, большие и малые, но все одинаково верные и преданные делу становления великой Москвы...

ЧАСТЬ I

За други своя...

Глава 1

Oтзвенели московские колокола, отпел церковный хор, состоялось венчание на княжество растерянного девятилетнего мальчика, послушно исполняющего все тихие подсказки ближних бояр. Теперь он сидел на княжеском кресле, облаченный в дорогую одежду, снявший наконец столь большую для него шапку Моно-маха, вошедшую в великолкняжеский обиход еще при деде Иване Калите, и растерянно смотрел на два ряда бояр.

— Федор Андреевич! — пытаясь придать голосу хоть какой-то оттенок властности, произнес он. — Когда посоветуешь мне в Орду на великокняжеское поставление выезжать?

Федор Кошка, сын боярина Андрея Кобылы, исполнявший функции кили-чая Москвы в ставке великого хана (или, более точно, ханов, ибо после убийства Джанибека родным сыном Бердигеком за два года до смерти Ивана Красного

великоханский трон стал переходить из одних рук в другие с невероятной быстротой!), заметно смущаясь. Откашлявшись, он, наконец, произнес:

— Князья нижегородский, суздальский, ярославский, тверской и прочие собираются выезжать или уже в Сарае, князь. Да только... не сердись за слова мои... но только не надо нам пока вслед им трогаться! Хан Навруз произнес среди ближних своих, что благоволить будет князю нижегородскому.

— Почему не мне? — пристукнул кулачком по подлокотнику Дмитрий. — Лествичное право за мной, не за Андреем!

Столь смешон и наивен был этот гневный жест, что большинство бояр спрятали улыбки в свои ладони, дружно пригладив усы и бороды. Говорить о соблюдении наследственных прав в отношении ордынских ханов, вырезавших друг друга не хуже мясников на бойне, было нелепо. Тысяцкий Москвы Василий Васильевич Вельяминов поспешил прийти на помощь молодому Федору:

— Доподлинно известно, княже, что Навруз окоянный произнес. Мол, какой из Дмитрия великий князь, если он еще совсем ребенок. Кто, мол, мне выходы с улуса моего в сроки собирать и поставлять будет!

Вельяминов кашлянул в кулак:

— Мы готовим бояр и серебро для поездки в Орду, княже! Ехать надо будет в любом случае, я сам с тобою там буду. Да только прав Федор: на вряд хан тебе ярлык великорусский оставит...

Осильнел Андрей Нижегородский, да и многие князья волжские вкупе с Новгородом Великим на его стороне. Поедем вскоре, а там как Бог даст!

Лицо юного князя запунцовело. Он долго не мог ничего ответить, потом почти с мольбою обратился к Кошке:

— Но ведь ты говорил, Федор, что Навруз в жены себе Тайдулу взял!! А я помню, как отец говорил, что ханша сия к Руси благоволила...

— Тайдула милостища была к Алексию после его чудесного врачевания. Был бы он здесь — многое б попытаться изменить в Орде можно было...

Взгляды всех невольно перешли на пустующее кресло русского митрополита. Повисла гнетущая тишина. Нарушил ее опять Дмитрий:

— Почему ничего не сделано, чтобы вытащить его из этого проклятого Киева? Аль не возможно было дружины послать? Ведь скоро год как в порубе сидит!!

— Дружины посыпать ваш батюшка не велел, да и верно то решение было, — подал голос Федор Свибл. — Нельзя нам до сих пор рубежи ослаблять, княже. Это одно... И второе — дружины — не иголка, ее стародубские либо брянцы загодя заметят. А что потом? Ольгердовы вои непременно до Днепра переймут! Ратиться с ними немочко, вряд ли одной дружины осилим. А Ольгерд о том движении нашем проведает — казнит митрополита Алексия не мешкая. Доподлинно ведомо, что выпускать никого он из Киева не намерен. Князю Федору Киевскому грамотка была — заморить по возможности.

Кабы Федор не трусил — давно б никого вживе не оставил...

— А тайно? Пошлите верных людей, чтоб тайно побег устроили! Ведь отец в своем завещании велел вам, чтоб моим наставником и советником митрополит был всегда!! Аль вам его последняя воля — не указ?

В юном князе все отчетливее проявлялись черты характера, столь не свойственные его отцу. Верно, говорила кровь рода Вельяминовых, откуда вышла его мать княгиня Александра. Лицо отрока запунцовело, глаза блестели. Брат тысяцкого Тимофей Васильевич поспешил заверить Дмитрия:

— Все сделаем, княже, чтобы возможно быстрее Алексея-батюшку из полона вызволить!! Христом-богом клянусь от имени всех Вельяминовых!

Недруги этого рода ехидно заулыбались. Многим в боярской думе власть и богатства древнего рода были словно кость поперек горла, многие желали им оступиться и впасть в немилость. Дмитрий Иванович с явной надеждой и радостью посмотрел на боярина Тимофея.

— Быть по сему! Все свободны, бояре.

Стараясь сохранить княжескую стать, князь первым покинул думную палату, но выдержки хватило ненадолго. Уже через полчаса он лил слезы, уединившись со своим самым близким другом Мишней Бренко.

— Ой, Мишенька, не знаю я, как быть мне дальше??! Никто со мною не советуется, все помимо творится. Иван Вельяминов в открытую уже над-

смехается, коня давече богаче и горячее моего на охоту брал! Князь я или не князь? Алексия б ноне сюда, он добрый, он бы помог и подсказал! А ну, как и впрямь загубит его литвин проклятый?!

— А ты дай им твердый срок и пообещай, что, коль не вытащат митрополита из поруба, Ваньке ихнему тысяцкого вовек не передашь! Свиблов род поболе возлюбиши...

— А и верно. Ноне же, при первой встрече Василию так и скажу.

— А пока айда по Москве-реке с сокольничими проедемся. Развеешься, новых кречетов посмотришь, что тятя мой тебе подарил. Знатные соколы, северные, ни птице, ни зверю спуску не дадут, право слово!

— Только без Ивана Вельяминова, ладно? Даже если и проситься будет.

— Без! Уже сейчас кажи им возможную оступду свою.

Былой печали как не бывало. Все дети устроены одинаково, и большая радость быстро изгоняет из сердца недавнюю боль и грусть. Уже через час Дмитрий рысил на своем Заграе во главе небольшой кавалькады, и на лице его играла радостная улыбка при виде низко кланяющихся москвичей и гостей столичного города.

Глава 2

Троє мужчин сидели в верхней горнице громадных палат тысяцкого Москвы. Слугам запрещено было впускать кого бы то ни было. Два ма-

ститых, отмеченных сединой боярина, Василий Васильевич и Тимофей Васильевич, и еще молодой, но давно известный не только в столичном городе, но и в округе Иван Васильевич, надежда и преемник отца в деле управления Москвою. Сидели люди, чье совокупное богатство было больше казны великого Московского князя, чьи дружины не раз выказывали свою доблесть на рати и готовы были следовать любому указу своих бояр. Сидели... пытаясь разрешить сложную задачу, которую поставила перед ними жизнь, спасая честь древнего рода Вельяминовых.

— Черт тебя дернул за язык, Тимоха, князю про митрополита обет давать! — в сердцах вымолвил Василий, в который раз лохматя свои все еще густые волосы. — Акинфичи по приказу Ивана четыре месяца тому назад два десятка своих молодших в Киев засылали, ведаешь ведь о том?

— Ведаю.

— И чем закончилось все, тоже ведаешь?

Тимофей Васильевич кашлянул в кулак.

— Знаю, что ни один обратно не вернулся и о себе не повестил. А уж как там все оно случилось — одному Господу ведомо...

— Вот-вот! Теперь решил с нашими то же содеять? Может, сам ватажку возглавишь? Глядишь, тебя лишь в полон поимают, потом выкупим. Поведаешь, кому и как в руки попал!

Тысяцкий хлестал словами, словно плетью. Брат был не в силах глянуть ему в глаза. Уставившись в отмытую до глянцевой желтизны столешню стола, бормотнул:

— Если б выгорело это дело, мы б в чести у Дмитрия и Алексия до конца дней своих были. Акинфичи круто забирать стали, как бы с кресла тысяцкого тебя не спихнули? Не о своей славе, о чести рода мыслил! О Ваньке твоем...

Настал черед задуматься и Василию. Иван пока не вмешивался в беседу старших, катая в руке мякиш ржаного хлеба. Хмельной мед и еда стояли на столе почти нетронутыми.

— Прав ты, конечно, брат, извини. Давеча мне Дмитрий мимоходом такое сказал, что всю ночь заснуть не смог. Молодой еще щенок, а зубки уже кажет!

— Что такое, отец? — подал голос и сын.

Василий помедлил. Налил в чаши меда, молча хлебнул из своей. Внимательно глянул на Ивана.

— Сказал, что, коли Алексий в порубе сгинет, тысяцкого тебе после меня не видать!..

— Да? И меня вчера отвадил, когда с кречетами на Москву-реку выехал. Хочу, мол, без тебя ноне утей погонять, Иван! Мишку Бренка взял — и за Кремник. А Мишка еще хитро так улыбнулся...

Иван зло раздавил хлебный шарик и отшвырнул его в угол горницы.

— Слушай, батя, а может, ну его с этой Москвою?! Может, отъедем в Нижний к Андрею? С нашими деньгами и дружинами нам первое место в любой думе дадут. А Андрей, по всем статьям, великим князем теперь станет!

Кулак тысяцкого с такой силой грохнул по столу, что один из кубков завалился набок, ще-